

М.В. Осипова

Этнографические экспедиции на территории Хабаровского края в первые годы советской власти

Внимание к проблемам традиционной материальной и духовной культуры аборигенных народов (нанайцев, ульчей, удэгейцев, негидальцев, нивхов, айнов, эвенов и эвенков), чей жизненный ареал находится на Дальнем Востоке России, было привлечено землепроходцами еще в XVII в. Однако начало научного изучения их этногенеза и культурогенеза было положено лишь в середине XIX в., когда Амурский край вошел в состав Российской Империи [ГАХК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 48 Л. 1].

Это отчеты, доставленные морскими офицерами экспедиции Г.И. Невельского: Н.К. Бошняком, Н.В. Буссе, Н.В. Рудановским, В.А. Римским-Корсаковым, Д.И. Орловым, Н.М. Чихачевым. Следуя инструкциям своего командира, они должны были не только обращать внимание на обследование береговой линии, рек, природных ископаемых территории, но и тщательно изучать нравы, обычаи, верования аборигенов, «стараться узнавать те из них, которые являются наиболее священными» [Невельской 1947: 237]. Вслед за военными изучение коренных народов Приамурья продолжили ученые Российской академии наук Л.И. Шренк, Р.К. Маак, П. Шмидт и многие другие.

Однако систематические исследования особенностей материальной и духовной культуры аборигенных этносов начались лишь в 20-е годы XX столетия. К сожалению, сведения об этнографических, лингвистических и антропологических экспедициях, проводимых на территории нынешнего Хабаровского края, которые состоялись в означенный период времени, разбросаны по разным историко-этнографическим трудам. Поэтому нам видится необходимым обобщить имеющийся материал и с позиций сегодняшнего дня оценить тот результат для отечественной и мировой науки, который был получен в ходе проведения наиболее значимых из них.

Огромный интерес, который проявила научная общественность к материальной и духовной культуре аборигенов Дальнего Востока,

был вызван несколькими причинами. В конце XIX — начале XX в. сначала в российской, а затем и в зарубежной научной литературе появляются публикации бывших политических ссыльных, отбывавших наказание в северных регионах страны и обративших внимание на народы, в непосредственной близости с которыми они проживали. Российская академия наук издает работы В.Г. Богораз-Тана о чукчах, В.И. Иохельсона о юкагирах, В.Л. Серошевский пишет о якутах, Б.О. Пилсудский — об айнах, Л.Я. Штернберг — о нивхах. Эти труды привлекли внимание и вызвали огромный резонанс не только в среде российских ученых, но и среди научной общественности за рубежом¹.

Другой причиной исследовательского интереса к аборигенам Севера, Сибири и Дальнего Востока можно назвать учреждение в 1917 г. Академией наук комиссии по изучению племенного состава населения России [ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 133. Л. 5528]. В нее вошли такие известные российские академики, как А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, Е.О. Карский, В.В. Бартольд, В.Н. Перетц. На первом заседании ими был составлен и утвержден план исследований, который, однако, начал претворяться в жизнь лишь с окончанием Гражданской войны.

Еще одной причиной, способствовавшей началу этнографических экспедиций в трудный для страны период становления советской власти, явилось решение Президиума ВЦИК от 20 июня 1924 г. о создании «Комитета содействия народностям северных окраин» («Комитет Севера»). Это был межведомственный правительственный орган, в работе которого приняли участие государственные и партийные деятели, ученые, специалисты в области здравоохранения и просвещения (П.Г. Смидович, А.С. Енукидзе, Ф.Я. Кон, А.В. Луначарский, В.Г. Богораз-Тан, Л.Я. Штернберг, Е. Ярославский и др.). Затем подобные комитеты были созданы на места.

¹ В.Г. Богораз-Тан и В.И. Иохельсон были приглашены американским антропологом Ф. Боасом для участия в знаменитой Джезуповской экспедиции, чтобы провести исследования на Крайнем северо-востоке Азии. О причинах, по которым Л.Я. Штернберг не попал в ее состав, подробно рассказывается в книге: [Кап 2009].

В Хабаровском (тогда еще Приморском) крае такой комитет начал работу 25 октября 1925 г. Основной его задачей было содействие «планомерному проведению на местах работы по устройению жизни малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, в административно-судебном и культурно-санитарном отношении» [ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 110. Л. 21, 23]. Помимо этих обязанностей Дальневосточный Комитет Севера оказывал посильную помощь и тем ученым, которые приезжали сюда в составе научных экспедиций. При этом подчеркивалось, что «для более плодотворной работы среди туземцев нужно использовать материалы этнографистов, это даст большую пользу» [ГАХК Ф. П-2. Оп. 2. Д. 330 а. Л. 50–51].

Не оставалась в стороне и дальневосточная наука. В «Объяснительной записке к плану исследований ДВ края на пятилетие 1929–1933 гг.» Дальневосточного исследовательского института указывалось на «малую исследованность <...> края в культурно-историческом отношении. <...> Мы еще немного знаем его население, особенно туземное». Далее определялись задачи, которые способствовали бы «сохранению и дальнейшему развитию самобытности национальных меньшинств». Говорилось о необходимости массового изучения населения «всеми научно-исследовательскими учреждениями края, причем самые методы этого изучения должны стоять на высоте современной научной мысли» [ГАХК Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 26. Л. 1].

Эти высказывания и в XXI в. не потеряли актуальности. Мы являемся свидетелями того, что глобализационные процессы приводят к сужению сферы проявления этнических свойств культуры. Происходит постепенный процесс ее унификации, что с течением времени может привести к утрате уникального опыта тех народов, чей численный состав незначителен.

По мнению С. Кана, «20-е годы могут быть названы золотым веком антропологии в Советском Союзе» [Кан 2009: 355]. В этот период существовало две школы российских этнографов и антропологов: московская под руководством Д.Н. Анучина и ленинградская, созданная усилиями Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза-Тана. Этими учеными была воспитана целая плеяда учеников, чьи труды легли в основу российской и мировой антропологии, этнографии, языковедения и искусствоведения аборигенов Дальнего Востока. Среди них антропологи М.Г. Левин и Г.Ф. Дебец, ученики Л.Я. Штерн-

берга: лингвисты Г.М. Василевич, В.А. Аврорин, Е.А. Крейнович, В.И. Цинциус, этнографы Н.Г. Каргер, И.И. Козьминский, А.Н. Липский, искусствовед С.В. Иванов и многие другие¹.

Начало экспедиционным исследованиям на территории нынешнего Хабаровского края было положено летом 1926 г., когда на берега Амура из Ленинграда отправляется Гарино-Амгунская экспедиция, чьим официальным руководителем был Л.Я. Штернберг [Кан 2009: 367]. Экспедиция работала в трех направлениях научного знания — этнографическом (Н. Каргер и И. Козьминский), лингвистическом (К.М. Мыльникова и В.И. Цинциус) и искусствоведческом (Н. Каргер и С. Иванов).

Условия, в которых предстояло работать вчерашним студентам, были нелегкими. Например, С. Иванов сообщает: «Не могли получить письма в течение трех с лишним недель. Денег у нас нет совершенно. Почти голодаем, но решили кое-как докончить экспедицию» [ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 14–15.]. Непривычная суровость климата, мороз, доходивший до 30 °С и продолжавшийся в течение месяца или двух, отсутствие дорог, средств передвижения осложняли проведение этнографических исследований [ГАХК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 48. Л. 9].

О трудностях, связанных с передвижением по территории края, свидетельствуют дневниковые записи В.К. Арсеньева, когда он описывает попытки людей попасть на пароход, идущий по Амуру: «Глядя со стороны, можно было подумать, что какие-то пираты берут судно на абордаж. Лодки подходили к пароходу со всех сторон, люди взбирались на судно по веревкам, карабкались по заднему колесу, хватались за всякий выступ. Одним это удавалось, другие падали обратно в лодки или попадали в воду» (цит. по: [Аргудяева 2007: 24]).

Из отчетов Каргера и Козьминского мы узнаем о той работе, которую они успели проделать, посетив 12 нанайских селений и стойбищ, многих из которых ныне уже нет на карте края.

¹ Все перечисленные ученики Л.Я. Штернберга, кроме С.В. Иванова, впоследствии подверглись репрессиям, доступ к их архивам был ограничен, поэтому большинство материалов, собранных этими учеными во время дальневосточных экспедиций, еще ждут своих исследователей. С.В. Иванов, избежавший участи коллег, старался не публиковать полученные им сведения по этнографии аборигенов Приамурья, в частности по шаманизму, ограничившись сферой декоративно-прикладного искусства.

И. Козьминский сосредоточил свое внимание на материальной культуре нанайцев, особенностях пушного и рыболовного промысла селений Кондон, Ямихта, Сорголь, Малмыж, Докиада, Болонь, стойбищ Хуинда, Наан, Боктор, Таломда, Бичи, Намикан. Он перечислил организации, которые закупали пушнину у охотников, составил сравнительную таблицу их заработков в дореволюционный и советский периоды, упомянул о наличии огородничества и тех культурах, которые выращивались нанайцами, рассказал о попытках отдельных жителей Кондона заняться оленеводством, дал описание постройки, средствам передвижения, одежды.

Кроме этого, он коротко остановился на верованиях самагиров (так в то время называли нанайцев, живших на р. Горин), в частности на их воззрениях о душе. Ученый попытался осветить и этногенетические проблемы, высказав мнение, что «самагиры при столкновении с более высокой нанайской культурой утратили свою древнюю тунгусскую» [Козьминский 1929: 48].

Н. Каргер же изучал родовой состав нанайцев, термины родства, вел записи этнографического характера, зафиксировал слова, которые сегодня уже в нанайском языке не употребляются, записал легенды о происхождении родов. Изучая самагиров, Каргер пришел к выводу, что их язык является «диалектом гольдского языка», и предложил заменить самоназвание «самагиры» на «гаринские гольды», тем самым подчеркнув их принадлежность к нанайскому этносу.

Он же в статье, посвященной родовому составу ульчей, попытался проследить пути, по которым шло внедрение чужеродных элементов в ульчскую среду, и в частности айнского компонента в этногенез ульчей Нижнего Амура [Каргер 1931: 125].

Кроме этого, Н.Г. Каргер, вместе с представителями государственных органов А. Липским и Г. Мевзосом принял непосредственное участие в переписи туземного населения Хабаровского края в 1926 г. [Каргер 1929: 3–24].

Оценивая полученные в ходе экспедиционной работы результаты, следует сказать, что молодым ученым удалось уточнить сведения Л.И. Шренка и Л.Я. Штернберга относительно формирования нанайских родов. Сборы Каргера и Козьминского — это материал,

который лег в основу исследований А.В. Смоляк, специалиста по проблемам этногенеза аборигенных народов Амура¹.

Вторая часть экспедиции в составе К.М. Мыльниковой и В.И. Цинциус отправилась на р. Амгунь. Перед ними была поставлена задача — изучить язык такой малочисленной группы аборигенного населения, как негидальцы, и такой малоизученной группы, как орельские тунгусы. Помимо лингвистических исследований, ученые должны были проводить «этнографическое, фольклористическое, антропологическое и отчасти археологическое изучение указанного населения» [Форштейн-Мыльникова 1935: 154]. Но затем было принято решение ограничить исследования только негидальским населением.

В конце 1920-х годов негидальцы р. Амгунь жили в балаганах, и девушкам пришлось разделять бытовые трудности с людьми, чей язык, психологию и особенности культуры они изучали. За время их годичного пребывания у этой народности был собран довольно значительный материал по устному творчеству коренного этноса. Было записано свыше 320 образцов фольклора, из них 150 сказок и преданий, 70 песен, 60 загадок, 20 различных табу-запретов и др.

Собранный материал послужил источником для написания большого количества научных статей, создания учебника негидальского языка. Помимо сбора лингвистического и этнографического материала К.М. Мыльникова и В.И. Цинциус вели большую культурно-просветительскую работу среди населения [ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 84. Л. 1].

В 60–70-х годах прошлого века В.И. Цинциус публикует свои полевые материалы по фольклору эвенков и промысловому обрядовому фольклору негидальцев [Цинциус 1974: 34–41]. Однако главной, на наш взгляд, ее научной работой, которая остается настольной книгой не только российских, но и зарубежных лингвистов, этнографов и антропологов, является «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», где В.И. Цинциус — ответственный редактор. Ею написаны такие его разделы, как введение, раздел о структуре словарной статьи и таблицы транскрипций фонем и от-

¹ Статья Н.Г. Каргера «Родовой состав ульчей» помогла автору проследить пути перемещения потомков айных родов на территории края.

дельных звукосочетаний эвенкийского, эвенского, нанайского, солонского и маньчжурского языков, статьи на буквы а, э, к, х. Это говорит о глубоких знаниях предмета, изучению которого Вера Ивановна Цинциус посвятила всю свою жизнь.

Начало изучению богатейшего декоративно-прикладного искусства дальневосточных народов было положено экспедицией С.В. Иванова. Согласно его воспоминаниям, прослушанный курс лекций Л.Я. Штернберга произвел переворот в сознании молодого ученого. Этнография расширила и углубила его знания о человеческом обществе и культуре: «Постепенно, шаг за шагом открывались мои глаза на психологию примитивного человека, его верования и искусство. Незаметно для себя самого я превратился в этнографа, интересующегося различными проблемами этой науки. <...> Более того, я почувствовал любовь и уважение к первобытному человеку, о ком я ранее даже не задумывался. Все это стало возможным благодаря Штернбергу» [Кап 2009: 367].

Амурская экспедиция 1927 г. стала продолжением Гаринской экспедиции Н.К. Каргера и И.И. Козьминского, продолжением начавшихся в 1926 г. исследований аборигенов Амура. В состав этой экспедиции, согласно архивным документам, помимо Каргера и Козьминского вошли С.В. Иванов, В.А. Аврорин, руководителем был назначен И.И. Майков. Внимание ученых было сосредоточено на сборе этнографического материала среди ульчей и наименее изученного народа среди тунгусо-маньчжуров — орочей, их языку и диалектам.

Из отчета орочской этнологической экспедиции узнаем, что ее сотрудники «собрали материалы по грамматике ороцкого языка, словарю, родовому составу, материальной культуре, космогонии и погребальным обрядам» [Архив МАЭ. Ф. К-І. Оп. 2. Д. 109. Л. 155]. Ими был собран и переведен на русский язык бесценный фольклорный материал, которым исследователи пользуются до сих пор, т.к. ороцкое культурное наследие подверглось наибольшим деформациям в результате процессов христианизации и русификации населения.

Значительный вклад, обогативший этнографическую науку, был внесен С.В. Ивановым, который обратил особое внимание на орнамент дальневосточных народов. По итогам этой экспедиции С.В. Ивановым был опубликован ряд работ, вызывающих непод-

дельный интерес всех, кто занимается вопросами культуры и искусства аборигенов. Эти работы сочетают в себе не только описание предмета с точки зрения его художественной или исторической ценности, но и ценнейшие сведения этнографического характера [Иванов 1935].

Изучая орнамент, ученый обращает внимание на заложенный в его символах смысл, технические приемы исполнения, орнаментальные мотивы, характерные для того или другого этноса. В своем фундаментальном труде «Орнамент Сибири как исторический источник», куда вошли и полевые материалы экспедиции 1927 г., С.В. Иванов вполне справедливо указывал на то, что типы орнаментального искусства напрямую зависят от исторического пути развития определенной этнической группы. По орнаментальным композициям, утверждал он, можно проследить те межэтнические контакты, которые имели место в далеком прошлом, убеждая тем самым исследователей в необходимости комплексного подхода при изучении народного традиционного орнамента [Иванов 1963].

Кроме непосредственно сбора научного материала Н. Каргер и С. Иванов активно сотрудничали и с Краевым отделом Государственного Русского географического общества. Дело в том, что их экспедиция проходила в тот год, когда страна готовилась отмечать десятую годовщину революции. Край получил задание от Государственной академии художественных наук (ГАХН) представить на Всесоюзную юбилейную выставку искусства национальностей СССР в Москве образцы декоративно-прикладного искусства аборигенов. В Хабаровске была создана комиссия содействия ГАХН, координировал всю работу П.М. Покровский, директор ДВХМ. Комиссия обратилась к работавшим на Нижнем Амуре Е.Р. Шнейдеру, Н.К. Каргеру, С.В. Иванову, а также к Е.А. Крейновичу, находившемуся на Сахалине, с просьбой содействовать в сборе экспонатов [ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 29]. В частности, П.М. Покровский пишет С.В. Иванову: «Дорогой Сергей Васильевич, от имени ДВ крайкомиссии содействия ГАХН, к Вам и Нестору Константиновичу еще раз просьба уделить максимум внимания подбору экспонатов для выставки в Москве» [ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 37].

Все ученые активно включились в работу. Так, на просьбу Покровского о закупке предметов быта аборигенов Иванов отвечает:

«В районе ульчей — расписные коробки не изготавливаются, их делают только верховские гольды. Резные есть, но только старые. Их не продают. Теперь у нас осталась только Ухта, где почти никого нет, т.к. началась ловля кеты. Попробую спустить в обмен свои вещи и материю. Все что смогу достать в Ухте — вышлю через неделю. Ваш Сергей Иванов» [ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 17].

Летом 1927 г. вслед за ленинградцами к тунгусо-маньчжурам направляется московская этнографическая экспедиция, руководимая одним из авторитетнейших этнографов и археологов того времени Б.А. Куфтиным. Экспедиция проводила исследования в течение двух лет. Помощник хранителя отдела Сибири ЦМН Б.А. Васильев и студент-антрополог А.Н. Покровский отправились к орочам. Сам Борис Алексеевич Куфтин через Хабаровск едет к удэгейцам Приморья, в устье рек Анюй, Хор и Нельма. Он осматривает жилища и могильники удэга, присутствует на шаманских камланиях.

Эта экспедиция была на редкость результативной. Ее участниками было собрано 500 орочских коллекций, предметы быта эвенков, нанайцев, удэгейцев и нивхов, было сделано больше 400 фотографий [Архив МАЭ. Ф. 12. Оп. 1. ДД. 41–50]. Жена ученого В.А. Стешенко-Куфтина обратила внимание на музыкальную культуру аборигенов. Опубликованные ею статьи легли в основу музыковедения аборигенных народов Дальнего Востока.

В это же время материальную и духовную культуру удэгейцев изучал и Евгений Робертович Шнейдер, создавший на основе хорского диалекта удэгейский литературный язык. Его рукописные материалы находятся в архивных фондах, а вышедшие в свет «Краткий удэгейско-русский словарь. С приложением грамматического очерка» и «Материалы по языку анюйских удэ» датируются 1936 и 1937 годами и больше не переиздавались. К сожалению, ученому не удалось продолжить начатое дело, он был репрессирован.

Большая часть сознательной жизни еще одного исследователя, Нины Александровны Вальронд, была связана с работой на Дальнем Востоке. В возрасте 23 лет в 1918 г. вместе со своим мужем А.Н. Липским и В.К. Арсеньевым она впервые отправляется к курурмийским гольдам (нанайцам). Впоследствии ею было предпринято еще 10 этнографических экспедиций. В интересующий нас период Н.А. Вальронд как сотрудница ДалькрайОНО командирована к

гольдам (нанайцам) за сбором материала по нанайскому языку для написания букваря и первой книги для чтения. После прошедшей в 1926 г. переписи населения выяснилось, что необходимо внести уточнения в переписной материал. С этой целью Н.А. Вальронд отправляется к ульчам и гилякам (нивхам) Нижнего Амура.

Публикации исследователя по итогам поездок — изданные в 1928 г. в Хабаровске на нанайском языке букварь и грамматика, опубликованные в «Сибирской живой старине» материалы по этнографии гольдов — привлекли внимание ученых Института антропологии и этнографии АН СССР [Липская-Вальронд 1925: 145–160]. С Вальронд заключается договор об экспедиции к гольдам, которая благополучно завершилась к концу 1937 г. Об объеме работы, которая была проделана исследователем, можно судить по следующим данным: во время экспедиции 1936/37 гг. Вальронд из 97 нанайских населенных пунктов побывала в 90, переписала 1253 хозяйства [Архив МАЭ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 29. Л. 150–170]. Этнографические знания и великолепное владение нанайским языком помогали Н.А. Вальронд в ее работе, она занималась вопросами, связанными с созданием нанайской письменности, работала над составлением и написанием сравнительного словаря основных говоров гольдского (нанайского) и ульчского языков. Ее интерес привлекала тема хозяйственных и языковых процессов у тунгусо-маньчжуров Нижнего Амура [Решетов 1995: 54–56]¹.

Как уже упоминалось выше, в экспедициях на Нижний Амур вместе с Н.А. Вальронд участвовал и ее муж А.Н. Липский, ученик Л.Я. Штернберга. По словам Липского, именно Л.Я. Штернберг убеждал его заняться тунгусо-маньчжурскими народами Амура и Приморья. Особенно он рекомендовал углубленно изучать этнографию гольдов (нанайцев), их язык, быт, социальную организацию, происхождение, формирование особенностей шаманизма, духовной культуры.

После революции Липский уезжает на Дальний Восток, где начиная с 1918 г. занимается полевой работой на Амуре. В 1925 г. А.Н. Липский, выступая на Первом съезде туземных народов Дальневосточного округа, представляет результаты своих многочислен-

¹ К сожалению, материалы Н.А. Липской-Вальронд до сих пор не опубликованы и широкой аудитории недоступны.

ных экспедиций. Он говорит об этногенезе гольдов, ульчей и негидальцев, приводит статистические данные по их численности, описывает основные формы ведения хозяйства и духовной культуры аборигенов Амура, освещает вопросы медико-санитарного состояния жилищных условий аборигенов, выносит на обсуждение вопросы кооперирования и работы Уполтузотдела [Первый туземный съезд ДВО... 1925: 32–66]. Эти сведения до сих пор встречаются во многих этнографических работах.

В 1935 г. семья Липских переезжает в Ленинград, где Альберт Николаевич назначается на должность начальника Нижнеамурского отряда комплексной экспедиции Ленинградского Института антропологии, археологии и этнографии. Зимой 1936 г. Липские выезжают на Амур и в течение двух лет проводят этнографические исследования. По сценариям, написанным самим А.Н. Липским, снимаются два фильма. В одном из них демонстрируется участие шамана в похоронном обряде гольдов, другой посвящен жизни нанайцев при советской власти. Ученые записывают тексты шаманских камланий на нанайском языке, ими изучаются вопросы этногенеза нанайцев, родовой состав, особенности декоративно-прикладного искусства, записываются образцы устного народного творчества. Во время этих поездок Н.А. Липская приходит к выводу о том, что нанайскую письменность необходимо создавать на основе кириллицы, а не латиницы, как это было предложено ранее [Вайнштейн 2003: 468–471].

Ценность сведений, собранных Липскими в этих экспедициях, в том, что они увидели и зафиксировали уже безвозвратно уходящую натуру, элементы нанайской материальной и духовной культуры, которые были неотъемлемой частью жизни этноса. Созданные ими фильмы можно рассматривать в качестве «первых ласточек» набирающей сегодня популярность отрасли этнографических исследований — визуальной антропологии.

Неоднозначность толкований в этнографической литературе научной и государственной деятельности А.Н. Липского¹ в период его

¹ Критика А.Н. Липским работы И.А. Лопатина, его высказывания и прямые действия, негативно сказавшиеся на судьбе В.К. Арсеньева, дали повод к одностороннему освещению событий жизни Липского и фактически замалчиванию результатов его исследований. Однако в работе С.И. Вайнштейна [2003] «Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского» приводятся сведения, которые позволяют пересмотреть бытующие взгляды.

работы на Дальнем Востоке не позволяла по достоинству оценить значимость его трудов. Впрочем, в отдельных изданиях, например в «Материалах по нанайскому языку и фольклору» В.А. Аврорина, приводятся довольно обширные цитаты из работ Липского и подчеркивается их ценность и значимость для науки [Аврорин 1986: 8].

Валентин Александрович Аврорин — один из ярчайших представителей российской этнографии. Он являлся членом секции Научно-исследовательской ассоциации и был направлен в 1933 г. в экспедицию на Дальний Восток Комитетом Нового Алфавита (КНА) сроком на один год. Прибыв в Хабаровский край с целью изучения тунгусо-маньчжурских языков, он ведет большую научно-организационную работу. Его избирают заведующим сектором народов Севера Комитета Нового Алфавита при Президиуме Далькрайисполкома. На одном из заседаний Комитета он излагает основные направления работы КНА. Как истинный ученый, он видел их прежде всего в научных исследованиях, в работе по ликвидации безграмотности и созданию в туземных поселениях начальной школы, в организации издательского дела и в работе с начинающими писателями из среды аборигенов [ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 138. Л. 13].

Всю жизнь В.А. Аврорин следовал этим направлениям в научной деятельности. К сожалению, многие материалы, собранные В.А. Аврориным во время экспедиций 1930-х годов, увидели свет лишь во второй половине XX в., но каждая книга, будь то «Материалы по нанайскому языку и фольклору» или ороческие сказки и мифы, сразу становилась незаменимым источником фактологического материала не только для российских, но и для зарубежных этнографов-североведов [Аврорин 1978].

Работ чисто этнографического характера написано В.А. Аврориным две. С И.И. Козьминским он публикует статью «Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на 'карте'» с чертежами и рисунками, выполненными самим Аврориным [Аврорин 1949]. В свое время М. Хасанова отмечала, что «каждая затронутая в этой статье тема (о трех мирах орочей, о формировании душ шаманов и их путешествиях, о загробном мире <...> может быть развернута в отдельное исследование». Второй была статья, написанная в соавторстве с женой и соратником Е.П. Лебедевой «Инцест в фольклоре орочей» [Хасанова].

В 1930 г. участником Амурской этнографической экспедиции становится аспирант Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) А.М. Золотарев, который еще дважды, в 1934 и 1936 гг. побывает на Амуре. Итогом его исследований стал труд «Родовой строй и религия ульчей». Заложенные Л.И. Шренком и Л.Я. Штернбергом основы по разработке вопроса о родovém составе аборигенов Амура получили свое развитие в этом научном труде. Золотарев высказал предположение о том, что в основе этногенеза ульчей лежит нивхский субстрат, на который оказали влияние более поздние тунгусский и маньчжурский. В книге собрана информация об обрядах и обычаях ульчей, их родovém составе, брачных отношениях, рассматриваются термины родства, имеется большое количество фольклорных текстов на ульчском языке [Золотарев 1939].

Журнал «American Anthropologist» помещает на своих страницах статью Золотарева о медвежьем празднике ульчей, основанную на полевых материалах автора. В ней он подробно описывает действия людей в течение 15 дней праздника, приводит пример песни, исполняемой ульчами в это время, рассуждает о тотемной составляющей медвежьего праздника этого этноса [Zolotarev 1937: 113–130].

Интересны и наблюдения, изложенные Золотаревым в статье об амурских орочах. Помимо этих сведений, А.М. Золотарев публикует материалы о традиционной торговле нивхов и существовавшем у этой народности институте рабства, подтвердив тем самым сведения, полученные еще в XIX в. японским картографом Мамя Риндзо [Козин 1931: 201–207]. И хотя порой исследователем высказывались довольно спорные точки зрения, все работы А.М. Золотарева отличаются высокой теоретической значимостью, материалы его амурских экспедиций до сих пор не только не устарели, но всякий раз в них можно найти новые сюжеты для осмысления.

Началу широкомасштабных археологических работ положила экспедиция 1935 г. Института этнографии Академии наук СССР, в составе которой находился тогда еще не очень известный широкой научной общественности молодой ученый А.П. Окладников. У села Калиновка нынешнего Ульчского района, на берегу реки участники экспедиции увидели каменную глыбу, на плоской грани которой были высечены изображения людей и лодок [ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 26. Л. 1]. Археологам уже было известно о петроглифах Сикачи-

Аляна из работы Б. Лауфера «**Petroglyphs on the Amoor**», автор которой подробно описал личины и представил схематические их изображения [Laufer 1899: 746–747]. О рисунках близ Калиновки писал и Г. Фовке [Fowke 1906: 290], но собственными глазами советские археологи увидели их впервые.

Эти находки свидетельствовали о развитой неолитической культуре первых насельников и дали толчок дальнейшим исследованиям будущего академика А.П. Окладникова исторического прошлого территории Хабаровского края и этногенеза проживающих здесь народов. Позже археологами были получены доказательства, что ранний неолит начался на Нижнем Амуре еще в IV тыс. до н.э. и что местные племена были тесно связаны с приходившими из Сибири таежными племенами.

Хотелось бы осветить и еще одну сторону деятельности ученых, о которых сказано выше. Из своих экспедиций помимо этнографических записей каждый привозил значительное количество коллекций: фотографий, промысловых орудий, предметов быта и культа, одежду, атрибуты шаманов и т.п. Сегодня они составляют основу многих музейных коллекций [Коллекции по культуре народов...].

В статье не рассматривались широко известные в научной литературе этнографические экспедиции 1927 г., участниками которых были В.К. **Арсеньев**, собравший ценные сведения по культуре уссурийских нанайцев, Е.А. **Крейнович**, самый авторитетный нивховед, знаток нивхского языка, фольклора, психологии, материальной и духовной культуры этого народа, а также экспедиции 1934 г. Лоучгиза в Нанайский национальный район в составе А.П. Козловского, О.П. Суника, Е.Н. Эйвенбаха.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что хотя 20–30-е годы XX столетия в России были годами становления молодого советского государства, не хватало средств на самое насущное, деньги для проведения экспедиционных исследований материальной и духовной культуры коренных малочисленных народов края все-таки выделялись. Результаты экспедиций тех далеких лет, когда шел активный процесс накопления этнографического материала, существенным образом повлияли на развитие этнографических, антропологических, лингвистических и археологических исследова-

ний в отечественном и зарубежном североведении. Они предопределили направления научных исследований на многие годы.

Материалы экспедиций этого периода впоследствии легли в основу фундаментальных трудов А.П. Окладникова, М.Г. Левина, Г.Ф. Дебеца, А.В. Смоляк, Б.А. Васильева, В.Г. Ларькина, Ю.А. Сема, Ч.М. Таксами и многих других. Опираясь на полевые материалы тех лет относительно формирования родов амурских народов, дополнив их собственными исследованиями, эти ученые внесли относительную ясность в этногенез нижнеамурских этносов. Данные антропологического характера позволили позже М.Г. Левину и Г.Ф. Дебецу отнести тунгусо-маньчжуров Амура к трем типам монголоидной расы: амуро-сахалинскому, байкальскому и восточно-монголоидному.

Антропологические изыскания того периода заложили основу современных серологических, дерматоглифических, одонтологических исследований, которые существенным образом углубили знания современных ученых об антропологических типах тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов.

Что касается исследований в области лингвистики, то благодаря ранним работам и материалам Г.М. Василевич, В.И. Цинциус, В.А. Аврорина, Е.А. Крейновича, Е.Р. Шнейдера и других удалось обоснованно доказать, что тунгусские языки народов Нижнего Амура необходимо выделить в отдельную группу — нижнеамурскую. Этими людьми была создана письменность ранее бесписьменных народов, написаны учебники, ими воспитаны первые представители национальной интеллигенции.

На территории края до сих проводятся археологические раскопки, начало которым было положено в далеком 1935 г. Археологические и искусствоведческие находки того периода помогли доказать своеобразие изобразительного искусства аборигенных народов Нижнего Амура и опровергли утверждения участника Джезуповской экспедиции Б. Лауфера о том, что мотивы орнамента нижнеамурских этносов — это китайские заимствования.

Изыскания 20–30-х годов XX в. значительно углубили и расширили сведения, полученные в первый период накопления знаний, существенно дополнив имеющийся массив фактического материала об

особенностях материальной и духовной культуры дальневосточных этносов.

Библиография

Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986.

Аврорин В.А. Орочские тексты и словарь / В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. Л.: Наука, 1978.

Аврорин В.А. Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте» / В.А. Аврорин, И.И. Козьминский // СМАЭ. 1949. Т. 11. С. 324–334.

Аргудяева Ю.В. В.К. Арсеньев — путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток: ДВО РАН, 2007.

Вайнштейн С.И. Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского [Электронный ресурс]. 2003. Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/455-492.pdf>.

Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (По материалам XIX — начала XX в.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленинградское отделение, 1963.

Иванов С.В. Орнаментика, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой // СЭ. 1935. № 4–5. С. 62–84.

Каргер Н.Г. Отчет об исследовании родového состава населения бассейна р. Гарина // Предварительный отчет Н.Г. Каргера и И.И. Козьминского. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 3–24.

Каргер Н.Г. Родовой состав ульчей // Советский Север. 1931. № 5. С. 120–125.

Козин С. Дальневосточная комплексная экспедиция // СЭ. 1931. № 3–4. С. 201–207.

Козьминский И.И. Отчет об исследовании материальной культуры и верований гаринских гольдов // Предварительный отчет Н.Г. Каргера и И.И. Козьминского. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 25–48.

Коллекции по культуре народов Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] // Сайт Российского этнографического музея. Режим доступа: <http://www.ethnomuseum.ru/section660/1848/1856/2270.htm>.

Липская-Вальронд Н.А. Материалы к этнографии гольдов // Сибирская живая старина. Иркутск, 1925. Вып. 3–4. С. 145–160.

Невельской Г.Н. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России (1849–1855) М.: Географгиз, 1947.

Первый туземный съезд ДВО. Протоколы съезда с вводной статьей Липского. Хабаровск: ГАХК, 1925.

Решетов А.М. Отдание долга // ЭО. 1995. № 2. С. 54–56.

Форштейн-Мыльникова К.М. Негидальский отряд амурской комплексной экспедиции Института // СЭ. 1935. № 2. С. 154–155.

Хасанова М.М. К 90-летию В.А. Аврорина [Электронный ресурс] / М.М. Хасанова. Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/227-268>.

Цинциус В.И. Обрядовый фольклор негидальцев, связанный с промыслом // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 34–41.

Fowke G. Exploration of the Lower Amur Valley // American Anthropologist. 1906. V. 8. Issue 2. P. 276–297.

Kan S. Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2009.

Laufer B. Petroglyphs on the Amoor // American Anthropologist. 1899. V. 1. Issue 4. P. 746–750.

Zolotarev A.M. The Bear Festival of the Olcha // American Anthropologist. 1937. V. 39. Issue 1. P. 113–130.

Источники

Документ о работе краевой комиссии содействия Государственной Академии Художественных Наук по организации Всесоюзной юбилейной выставки искусства национальностей СССР 1927 г., 1928 г. // ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 29, 37.

Документ о работе краевой комиссии содействия государственной академии художественных наук по организации Всесоюзной юбилейной выставки искусств национальностей СССР 1927 г., 1928 г. // ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 13. Л. 14–15, 17.

Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанайцев // Архив МАЭ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 29. Л. 150–170.

Объяснительная записка к плану исследований ДВ края на пятилетие 1929–1938 гг. // ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

Отчет орочской этнологической экспедиции // Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 109. Л. 155.

Протоколы заседаний 2-й Николаевской-на-Амуре окружной конференции ВКП(б) 16 февраля — 19 февраля 1927 г. // ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 330а. Л. 50–51.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Правительствующего Сената от 4 января 1859 г. // ГАХК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 48. Л. 1, 9.

Фонд Б.А. Куфтина // Архив МАЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 41–50.

Фонд С.Н. Оненко — к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Языки и фольклор народов Севера // ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.

Фонд С.Н. Оненко — к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Памяти Веры Ивановны Цинциус // ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

Фонд С.Н. Оненко — к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Начальный период строительства органов Советской власти. Социалистические преобразования экономики народностей Севера. Машинопись, 1983 г. // ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 110. Л. 21, 23.

Фонд С.Н. Оненко — к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Ф.Ф. Буссе и Л.А. Кропоткин. Остатки древностей в Амурском крае // ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 133. Л. 55.

Фонд С.Н. Оненко — к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Выписки из фондов ЦГА РСФСР ДВ и Гос. архива края о работе комитета Севера и Комитета Нового Алфавита, сделанные в 1974 г. // ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 138. Л. 13.

Список сокращений

ГАХК — Государственный архив Хабаровского края.

СЭ — Советская этнография.